правила неосторожного обращения с государством

Яков Миркин

Яков Моисеевич Миркин

Правила неосторожного обращения с государством

Серия «Экономические миры»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22982752
Правила неосторожного обращения с государством / Я.М. Миркин: АСТ; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-121185-1

Аннотация

Темой новой книги известного российского экономиста Якова Миркина стали отношения между государством и личностью. Как не превратиться в один из винтиков огромной государственной машины и сохранить себя, строя собственные отношения с государством и с личностями в нем?

Истории людей, живших перед нами, могут стать уроком для нас. Если вы способны понять этот урок, вы всегда будете на несколько шагов впереди. В книге десятки фрагментов писем, дневников, мемуаров исторических личностей. Всё это подчинено одному – как не попасть «под государство», как быть на подъеме – всегда, вместе с семьей. Эта книга – для думающих, проницательных, для тех, кто всегда готов занять сильную позицию в своей игре с обществом и государством.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие 5
Часть I. В постели с государством 8
В пасмурных объятиях 9
Государство – это он 10
Мы и Они 12
Наша жизнь внутри политиков 14
Кто над нами? Новый феодализм 16
Как сделаться мишенью 18
Как натравить на себя власть. 18 правил 18
Проклясть. Мандельштам 21
Прозевать. Никитенко 23
Напасть. Мисси Беневская[7] 26
Торжествовать. Ахматова 42
Владеть. Леонид Дубровский 46
Перевозбудить. Зощенко 52
Быть угрозой. Великие князья 55
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Яков Миркин
Правила неосторожного обращения с государством

Предисловие

Что бы вы ни делали, будьте осмотрительнее, умнее, осторожнее. Будьте не только для других, но и для себя. Не будьте мясом, из которого кроится человеческая история. Не станьте коллективным существом. Будьте делателем истории, не выходящим из-под собственного повиновения. Ваши решения – должны быть только Вашими, какими бы они ни были.

Не станьте слугой государства, слугой кого-либо. Будьте собственным слугой, признавая ценность – общества, благо – общее, службу – общему. Да это есть, это очень важно, но важно еще, чтобы это не стало всем в жизни, или так не наступило на вашу жизнь, что она будет выворочена.

Не поведитесь на слова. Жертвы должны быть осмысленными, ваша личная игра – только на усиление, а для этого нужно знать, знать, знать.

Знать. История повторяется. Люди в ней – повторяются. Их точно так же топит – или возносит. Всё это нужно знать, действуя, как человек в истории, строя собственные отноше-

ния с государством и с личностями в нем.

Каждый из нас проживает свое время – большой истории российского государства.

В любом случае, в любой временно́й точке, находясь в России, внутри истории – она никогда не останавливается – вы должны чувствовать – или, как говорили когда-то, по-животному чуять – что впереди.

А что именно?

Сценарии, развилки, их вероятности, и собственные действия, что бы и кто бы ни говорил.

Ваша игра, ваше удовольствие, ваши жертвы, то, чем вы поступитесь перед обществом, – решая, зачем вам всё это нужно.

Осмысленно – это главное слово.

Эта книга – для думающих. Для проницательных, для тех, кто собирается быть научно точным – можете смеяться – в собственных действиях, не поддаваясь на мифы, понимая, как всё устроено, и думая аналогами. История идет по кругам, и там, позади – такие же люди, так же не понимающие – или, наоборот, хорошо понимающие, что впереди.

Не поддавайтесь полностью желаниям (когда-то их называли безотчетными). Не останавливайтесь в собственной истории – или чужой – думайте, как в шахматах, и будьте в движении, избавляясь от всего, что вам не нужно.

Пусть наградой будет – в любом возрасте – чувство свободы и приращения, не убывания самого себя.

– Всё это, конечно, хорошо, – сказал мне мой стол и засмеялся. – Иди-ка, попей чайку и остынь.

И я с покорностью двинулся на кухню.

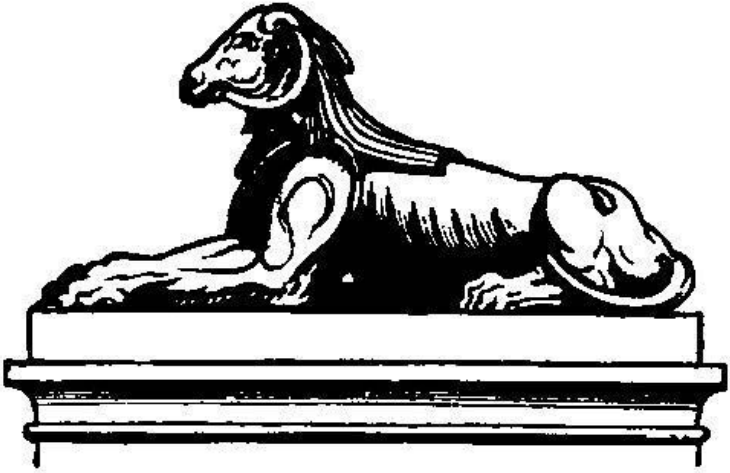
Ему сто с лишним лет, и он уцелел.

Поэтому я отношусь к нему с огромным уважением.

Часть I. В постели с государством

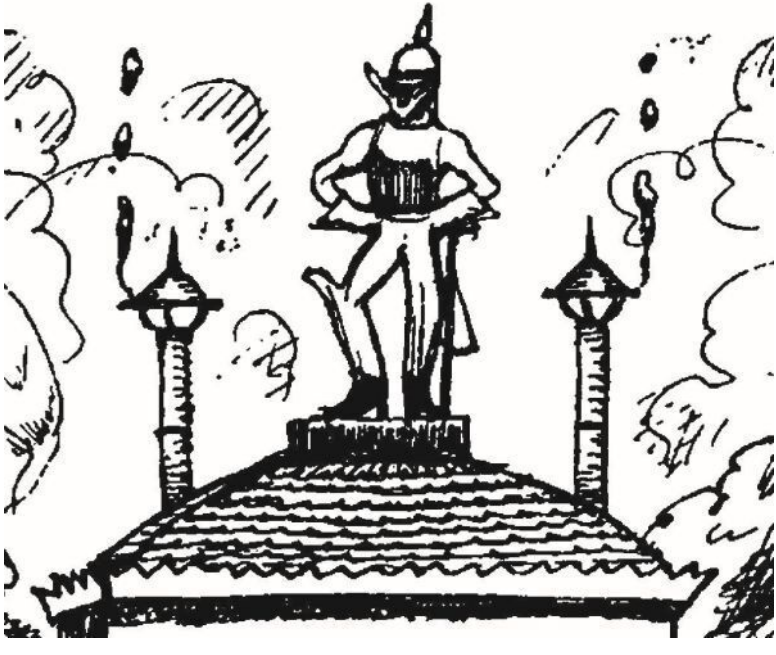
См.: Новый Сатирикон, 1914, № 17. С. 2. Рис. Кузнецова

В пасмурных объятиях



См.: Вейс. Быт народов. Книга 1. С.58

Государство – это он



См.: Теплая компания. С кем мы воюем. С. 6. Рис. Ре-ми

Россия Александра II и Александра III – это разные России. Россия Хрущева, Брежнева, Андропова… Горбачева, Ельцина и так далее – разные России.

Мы находимся внутри другого человека, как бы он ни назывался – премьер, президент, внутри его эмоций, талантов

или отсутствия таковых. Он накладывает свой характер на каждый наш выбор. Его вкус, реакции, способ мышления, люди, которые ему нравятся или нет, тяжести или восторги детства, комплексы, неисполненные желания – всё это опутывает нас с ног до головы.

США Буша, Клинтона, Обамы, Трампа – во многом разные страны, с очень личностными особенностями в поведении, хотя ядро, модель страны, ее желаний, реакций – одни и те же в самом главном.

Прогноз того, что будет со страной, – это очень личностный прогноз. Попытка понять, кто перед тобой, кто этот человек, оказавшийся за рулем.

Он не может выпрыгнуть из самого себя.

Все прогнозы, обращающиеся к его рациональности, к трезвому оцениванию ситуации, к образованию и качеству мышления, все прогнозы, относящиеся к объективному ходу вещей, могут быть совершенно бесполезными, потому что его «я» живет в совершенно другом измерении и доказывает всему миру и всем тем, кто конкурирует с ним, совсем другие истины, купаясь в собственных ощущениях того, что правильно, а что нет, что и кто нравится, а кто – нет, перед кем нужно утверждаться, а перед кем – конечно же, нет.

Переломить всё это мы не можем.

Но это создает новое понятие времени. Оно делится на время человека Иванова, на годы, прошедшие под знаком человечка Петрова, и на то, что случилось при человечище

Сидорове.

Это человеческое время задает наши собственные границы, наши риски, наш ход – кому полный вперед, кому ход конем, а кому просто пятиться и лучше уползать с поля.

Грубо говоря, семьи должны знать «под кем» они живут и что их ожидает.

Мы и Они

См.: Новый Сатирикон, 1913, № 26. С. 11

Как же это Они не понимают! Неужели Они не видят, что…?

Они – это наш лексикон. Не Сидоров во власти, не Иванов, не Петров. Это Они. Власть. Сила внешняя, почти мифическая, довлеющая. Разве дружеская нам, теплым, малым? Отстраненная. Они – где-то там.

И тогда – остается только покориться. Человекомуравейники. Хорды. Асфальтобетон. Атака на карманы – сверху,

откуда-то с небес, как ни умоляй. А вот и пушки.

Всё это дается свыше.

Неумолимая сила власти, хмурый, холодный глаз.

Ее отстраненность.

Хотя есть, конечно, и качели у метро.

– Они, – говорим мы.

Очень по-российски.

И изумляемся, когда теплый, милый человек, попав во власть, обретает кожуру.

– Что-то ты холодненький!

– Что-то ты всегда прав!

– Это ты?

– Миленький, ты где?

– Ау?

А потом его отстраняют от власти и он, как сбитый летчик, опять появляется на телефоне:

– Здрассьте, это я!

– Ну, здравствуй, милый человек!

Ну и как нам с Ними быть?

Их только тронь – огонь!

Наша жизнь внутри политиков

См.: Новый Сатирикон, 1914, № 25. С. 2. Рис. В. Лебедева

Много шума было в этом семействе. Двоюродные братья и сестра то ссорились, то мирились, а их кузен бывал у них попеременно, отличаясь необыкновенным сходством с одним и примеривая мундир другого.

Двоюродные – британский король Георг V и император Вильгельм II, императрица Александра Федоровна, жена Николая II.

Двоюродные (по другой линии) – британский король Георг V и русский царь Николай II.

Троюродные – император Вильгельм II и русский царь Николай II.

Кто-то кого-то не любил. Кто-то не досидел на коленях у бабушки, королевы Виктории. У кого-то был тяжелый нрав, у кого-то – нерешительный, кто-то был страстным филате-

листом. У одного была родовая травма, другой был слаб здоровьем, но его спасло море.

«Несносный Вильгельм и тут не дает нам покоя». Это из дневника Николая Второго[1].

Они ссорились, как будто делили участки, квартиры и счета.

Так они отправили в армию семьдесят миллионов человек и сделали из них десять миллионов погибших.

Драма царской семьи, начатая вступлением России в мировую войну, всем известна.

Вильгельм II был объявлен в Версале военным преступником, но избежал суда. Не был выдан королевой и государством Нидерландов.

Он умер в 1940 году в своем поместье в Нидерландах счастливым человеком. Но успел отправить приветственное письмо Гитлеру по поводу взятия Парижа. Нидерланды, спасшие его, были захвачены немцами. Роттердам разбомблен, снесен до основания. Он ушел, твердо зная, что Германия – оплот христианства, а Британия – царство сатаны, масонства и либералов.

Какое нам дело до политиков, когда они гремят гвоздями?

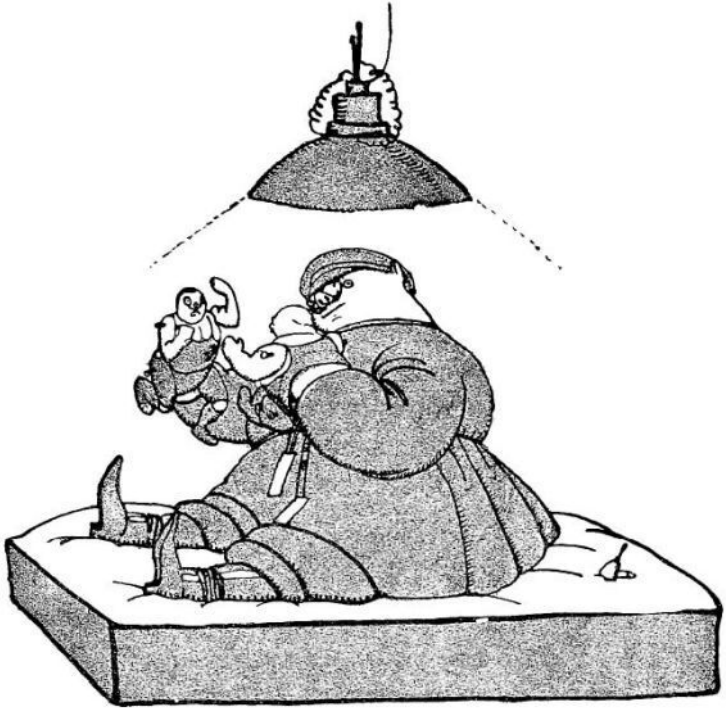
Какое дело?

Мы живем внутри них. Им решать, что с нами случится.

---

[1] Запись от 5 октября 1896 года. / Дневники императора Николая II. 1894–1918. Том I. 1894–1904. М.: Росспэн, 2011. С. 302.

Кто над нами? Новый феодализм



См.: Сатирикон, 1909, № 16. С. 5

Новый феодализм. Почти по Ключевскому. Баронам («боярам»?) за службу дарованы феоды (регионы / корпорации).

Это – 50 % экономики, госсектор, госкорпорации. Вокруг них – свои, те, кто «внутри», те, кто «допущены», команды. Аналог – служилые дворяне, «опричники» и т. п. Всё это еще 15–20 % экономики, облепившей госкорпорации и властные структуры всех уровней.

Плюс крупные куски, отданные в откуп. Пара сотен семей. Плюс с десяток нерезидентов (типа Ост-Индских компаний). Еще 15–20 % экономики. Соединено денежной данью, присягой на верность, структурами, не видимыми на поверхности, личной унией, семейными союзами.

Свободная экономика – 10–15 %. В основном, розница. Обложена данью, как Золотой Орде. Независимый бизнес сжимается, умирает.

Приватизированное государство. Проблема – власть не передаваема по наследству. Значит, собственность подвержена переделам. Неустойчивость, взрывоопасность. Для нас для всех – неудачный проект, тупик, в который загнали трамвайный вагон.

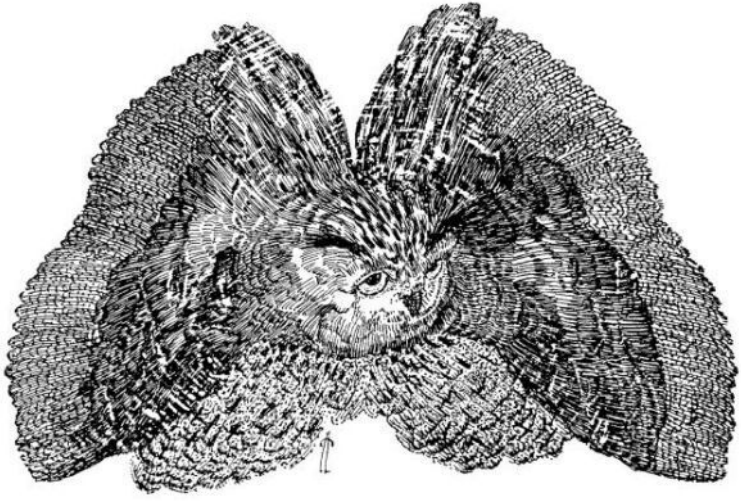
Достучаться до власти – тихо и интеллигентно. Как?

Проблема реального, жизнеспособного, действенного либерализма, строительного либерализма в корыстных, национальных интересах, в интересах среднего класса, вместо его подмены людьми из паноптикума.

Как? Пока неизвестно.

И еще. В этой системе – где Ваше место?

Как сделаться мишенью



См.: Сатирикон, 1908, № 22. С. 5. Рис. Н. Ремизова

Как натравить на себя власть. 18 правил

Обычно вас не замечают. Хотя, конечно, кажется, что именно на вас направлены прожекторы.

Как достать государство? Как сделать так, чтобы оно, наконец, повернулось к вам лицом?

Это доступно каждому, хотя и требует упражнений.

1) Назвать всех, кого перестреляете, была бы ваша воля; и еще – кого пересажаете. Чу, не гром гремит – а колокол звонит.

2) Послать поименно – всех, кто виноват, что жизнь такая – куда-то туда; а для надежности послать еще сто раз, дав именам эпитеты. Эпитеты должны быть точными и ясно толковаться.

3) Быть идеальным – для зачистки, для бытия – щепкой, когда лес рубят; и не убраться заблаговременно.

4) Махать всем страждущим; мы, мы – тоже власть, сюда-сюда, а мускул наш – растет. Власть параллельная.

5) Звать на баррикады, желательно басом, но не в Париже, а по месту жительства.

6) Наступить кому-то на крупную ногу. И даже не заметить, что а) наступил, б) что было больно.

7) Стать козлом отпущения. Большим козлом. Нет, козлищем. Чтобы всё можно было спихнуть. На вас, козла, спокойно делающего круги у прикола.

8) Знать лишнее. Когда, с кем, почему, в какое время, что получилось, и как всё это не вяжется с новейшей картиной мира. Ага!

9) Говорить, как громкоговоритель. Желать общения. И радоваться: «Ну, как сказал! С каким родился слогом!»

10) Вдруг стать пупом, с которым – никогда, ничто. Не может быть по смыслу. По жизни. Непоколебим, как мир.

Нет сил, способных сдвинуть.

11) Быть, точнее оказаться, не там, не в тот момент, не с теми и не так. И озираться радостно: что вижу я! О, как я слышу! Какие хорошие уши!

12) Иметь, иметь всё то, что требуется государству, и все это знают. Сверчок это знает. Шесток это чует. А ты портишься и трепещешь, как мотыль.

13) Не подходить по жизни. Цвет волос, корни, язык, на что молишься, во что веруешь – всё не то, чужой, другой, инако сложенный и мыслящий инако.

14) Быть триумфальным. Самой известностью внушать надежду на перемены, властям – опаску, ревность, дрожь. Быть замечательно беспомощным предметом, чтобы вас (действие) всем – в назидание.

15) Сачковать. Правила – побоку. Их посылать – подальше. Их обходить – наслаждаясь, как пьешь воду. Считать, что кот, котище – дремлет. Выпендриваться и не ждать доноса!

16) Не принимать. Не присягать. Не подчиняться. Не подписывать. И никогда не соглашаться.

17) Пытаться быть свободным – там, где от тебя этого не ожидают.

18) Прозевать. Букву, намек, имя, указующий палец. Честно и добросовестно – прозевать.

А как это бывает по жизни?

Истории?

Их много есть у нас.

Проклясть. Мандельштам

День ноябрьский, год символичный – 1933 год. «Мы живем, под собою не чуя страны… Кто мяучит, кто плачет, кто хнычет, лишь один он бабачит и тычет. Как подковы кует за указом указ – кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз».

Стих этот читать ближним своим. Упоенно. Нельзя не прочитать. Отличный стих. Просится наружу. Но – тсс, никому, а то дойдет – за это расстреляют.

Разумное соображение – а то. Пять месяцев – и он дошел.

День майский, год закономерный – 1934 год – арест, но не расстрел, а ссылка.

В Чердынь, туда, где Пермь Великая, ну а потом – в Воронеж.

А что в Воронеже? Пытаться откупиться в большеглазой оде.

Вот, Ода. Зима в Воронеже, год прокуренный – 1937. Долгое, натужное творение, в кармане – нож. «Глазами Сталина раздвинута гора и вдаль прищурилась равнина…». «Он свесился с трибуны, как с горы, в бугры голов. Должник сильнее иска, могучие глаза решительно добры, густая бровь кому-то светит близко…».

Симметрия: проклясть – и откупиться.

Проклясть, быть взятым, сосланным, пытаться откупить-

ся, вернуться – опять в Москву, и снова – по симметрии – быть взятым.

Май, год, сложенный в конверт, – 1938 год, арест. Пять месяцев во Владивостоке – в пересыльном лагере. «Истощен до крайности. Исхудал, неузнаваем почти» – последнее письмо. Декабрь, 1938 год – не пережил.

В сорок семь лет. В целых сорок семь лет.

«Кто-то прислал ко мне юного поэта, маленького, темненького, сутулого, такого скромного, такого робкого, что он читал едва слышно, и руки у него были мокрые и холодные. Ничего о нем раньше мы не знали, кто его прислал – не помню (может быть, он сам пришел)…»[2].

А, собственно, какая разница, кто к нам его прислал.

Он пришел сам.

---

[2] З. Гиппиус о встрече с Мандельштамом. // *Гиппиус З. Н.* Живые лица. Прага: Издательство «Пламя», 1925. С. 100.

Прозевать. Никитенко

См.: Сатирикон, 1908, № 5. С. 2. Рис. А. Яковлева

Перед новым 1835-м годом знаменитый цензор Александр Никитенко был посажен на гауптвахту на восемь дней первым лицом государства (Николаем I) по жалобе митрополита Серафима на то, что были пропущены в печать стихи Виктора Гюго, называвшиеся «Красавице». Он «умолял его как православного царя оградить церковь и веру от поруга-

ний поэзии»[3]. Вот эти стихи:

Красавице

Когда б я был царем всему земному миру,
Волшебница! Тогда б поверг я пред тобой
Всё, всё, что власть дает народному кумиру:
Державу, скипетр, трон, корону и порфиру,
За взор, за взгляд единый твой!

И если б богом был – селеньями святыми
Клянусь – я отдал бы прохладу райских струй
И сонмы ангелов с их песнями живыми,
Гармонию миров и власть мою над ними
За твой единый поцелуй!

По этому поводу Александр, тезка Пушкина (у них были натянутые отношения), заметил, что «следовало, может быть, вымарать слова: «бог» и «селеньями святыми» – тогда не за что было бы и придраться. Но с другой стороны, судя по тому, как у нас <…> обращаются с идеями, вряд ли и это спасло бы меня от гауптвахты»[4].

Государь «вынужден был дать удовлетворение главе духовенства, причем публичное и гласное». Но было и прият-

---

[3] *Никитенко А. В.* Дневник в трех томах. Том 1. 1826–1857. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. С. 161.

[4] Там же. С. 170.

ное – «в институте я был встречен с шумными изъявлениями восторга. Мне передавали, что мои ученицы плакали, узнав о моем аресте…»[5].

Какой кипеж! По городу «быстро разнеслась весть о моем освобождении». Ему 31 год! «И ко мне начали являться посетители»[6]. Какие роскошные круги, по которым мы веками шествуем в обнимку с государством! Но чтобы на гауптвахту – на новый год – первым лицом государства, по личной жалобе митрополита, за сонмы ангелов, которые должны быть отданы за поцелуй тебя?

Никак нет, ни за что, мир, как белье, выглажен и ангельски пахнет!

---

[5] Там же. С. 165.

[6] Там же. С. 165.

Напасть. Мисси Беневская[7]

См.: Old Peter's Russian Tales by Arthur Ransome. With illustrations by Dmitry Mitrokhin. London: Tomas Nelson and sons Ltd. P. 223

Ей не удалось никого казнить. Мария Беневская, потомственная дворянка, отроду 24 лет, собирая метательный сна-

[7] Очерк впервые опубликован в историческом журнале «Родина». – 2019. – № 10. URL: https://rg.ru/rodina/. С благодарностью Т. М. Осиповой и К. Ю. Беневской – хранителям истории и архива семьи Беневских.

ряд, сама подорвалась и лишилась кисти левой руки. У нее остались 3,5 пальца. Она звала себя Мисси. А иногда – Мисска. И еще – Маруся. Кузина (нет, не по крови) Бориса Савинкова, томительными летними вечерами им распропагандированная. Пришедшая в террор во имя Христа, ибо охота велась на адмирала Дубасова, подавившего восстание в Москве в декабре 1905 года. Те, кто ее вспоминал, писали: «Высокая, красивая. Ее страшно баловали. У нее была собственная карета. Внутри белая атласная» (Мария Заболоцкая, Максимилиан Волошин). Карета, правда, летняя, от родственников, в самой семье – таких средств нет.

Крестовый детский поход

Балованное, выпестованное дитя. Благополучная семья – от военной косточки. Аркадьевка, Беневское – села в Приамурье в честь папы, генерал-губернатора. Всё нарушено – сила, традиции семьи, ее дух, ее счастливое продолжение. Всё на свете изменено – до полного конца родителей. Почему?

«Румяная, высокая, со светлыми волосами и смеющимися голубыми глазами, она поражала своей жизнерадостностью и весельем. Но за этою беззаботною внешностью скрывалась сосредоточенная и глубоко совестливая натура. Именно ее, более чем кого-либо из нас, тревожил вопрос о моральном оправдании террора. Верующая христианка, не расстававша-

яся с Евангелием, она каким-то неведомым и сложным путем пришла к утверждению насилия и к необходимости личного участия в терроре. Ее взгляды были ярко окрашены ее религиозным сознанием, и ее личная жизнь, отношение к товарищам по организации носили тот же характер христианской, незлобивости и деятельной любви… В нашу жизнь она внесла струю светлой радости, а для немногих – и мучительных моральных запросов. Однажды <…> я поставил ей обычный вопрос: – Почему вы идете в террор? Она не сразу ответила мне. Я увидел, как ее голубые глаза стали наполняться слезами. Она молча подошла к столу и открыла Евангелие. – Почему я иду в террор? Вам неясно? “Иже бо аще хочет душу свою спасти, погубит ю, а иже погубит душу свою мене ради, сей спасет ю”. Она помолчала еще: – Вы понимаете, не жизнь погубит, а душу…»[8].

«Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее».

Потерять душу ради Христа, чтобы душу спасти? Ибо акт террора совершается ради Христа? Чье – тогда – убийство угодно Сыну Божьему?

Адмирала Дубасова. Моряк, герой, командовал Тихоокеанской эскадрой. Декабрь 1905 г., ему – 60 лет. «Оказывающих малейшее сопротивление и дерзость, и взятых с оружи-

---

[8] *Савинков Б. В.* Воспоминания террориста. Репринт с издания; Харьков: «Пролетарий», 1926 г. Vermont, Benson: Chalidze Publications, 1986. С. 196.

ем в руках пристреливать»[9]. На месте. Письмо отца одного из убитых студентов: «За что вы убили моего сына?.. Он был ни в чем неповинен; он не только не был ни в каких преступных организациях, но даже не посещал студенческих собраний, митингов… Приезжайте адмирал Дубасов, немедленно ко мне, я жду вас; вы должны сказать, за что убили сына?»[10].

Мисси – 24 года. Как бы это объяснить родителям? Жизнь – как то, что жжется. Жизнь – как детские теории. Жизнь – во имя. Жизнь – еще не найденная, легко слагаемая. Жизнь, когда опыта боли еще нет. Жизнь – святая, жертвенная. В жизни есть ужас, подлежащий искоренению. Без этого она невыносима. Я – подлежащее. Я – долженствующее. Я, я, я! В святом товариществе – я.

Детство и юность – как узаконенное сумасшествие. Особенно – в оспенном, чумном государстве.

Ангел с бомбами

Партийная кличка – Генриетта. Какой Генриеттой она себя воображала? Французской? Английской? Героиней из романа? Ответа нет.

---

[9] *Макаров К. О.* «Мы жили убеждением, что никто причастный к мятежу не должен быть пощажен»: расстрелы студентов солдатами лейб-гвардии Семеновского полка в дни Декабрьского восстания 1905 г. в Москве. / Петербургские военно-исторические чтения. Межвузовская научная конференция. 16 марта 2018 г. Петербург, 2019. С. 57–58.

[10] Там же. С. 60.

Какой она кажется? Замужней. Готовя теракты, снимают квартиры на двоих. А еще? «Всегда радостная, оживленная и светлая»[11]. В своем грозном, божественном терроре – у нее не получалось ничего.

«Взорвалась при разоружении снаряда, присланного для переделки». Это то, что написала сама.

А вот Савинков: «Разряжая <…> бомбу, сломала запальную трубку. Запал взорвался у нее в руках. Она потеряла всю кисть левой руки и несколько пальцев правой. Окровавленная, она нашла в себе столько силы, чтобы <…> выйти из дому и, не теряя сознания, доехать до больницы»[12].

Из обвинительного акта: квартира в Замоскворечье, 15 апреля 1906 года, там найдены, кроме оторванных женских пальцев, «сверток с 2 пакетами гремучего студня, весом около 5 фунтов; 4 стеклянных трубочки с шариками, наполненными серной кислотой, с привязанными к трубочкам свинцовыми грузиками; две цилиндрической формы жестяных коробки с укрепленными внутри капсюлями гремучей ртути; две крышки к этим коробкам; одна закрытая крышкой и залитая парафином… коробка, представляющая из себя… вполне снаряженный детонаторный патрон; крышка от жестяного цилиндра и деформированный кусок жести, коробка со смесью из бертолетовой соли и сахара, два мотка тонкой

---

[11] *Савинков Б. В.* Воспоминания террориста. Репринт с издания; Харьков: «Пролетарий», 1926 г. Vermont, Benson: Chalidze Publications, 1986. С. 275.

[12] Там же. С. 209–210.

проволоки; 10 кусков свинца; медная ступка; аптекарские весы и граммовый разновес; записная книжка с условными записями и вычислениями; три конфетных коробки, сверток цветной бумаги; два мотка цветных тесемок; пучок шелковых ленточек; фотографическое изображение вице-адмирала Дубасова и несколько номеров московских и петербургских газет»[13].

За эту фотографическую карточку Мисси, пойманную в больнице (она смогла добраться туда сама), приговорили к смертной казни. Дубасову раздробило ступню (23 апреля), его адъютант был убит, кучер ранен, бомбометатель погиб, мама Мисси покончила с собой, а ее папа – генерал от инфантерии – вторым только прошением на имя его величества добился замены смертной казни десятью годами каторжных работ.

– Дорогие мамочка и папочка! – писала она в открытках из-за границы. В Берне и немецком Галле училась врачевать. В Женеве – делать взрывчатку. В Париже – гулять по Булонскому лесу. В Варшаве и Москве – казнить. Но только путалась под ногами и так никого и не казнила.

Отчего дети, только вышедшие в жизнь, сходят с ума? Почему, пробиваясь к свету и смыслу, сходят прямо в ад? В чем их винить, если «мамочка» тут же ушла, а «папочка» тоже чуть не умер? В детской жестокости, в детской вере в громады? В детском лепете, детском бесстрашии? В экзальтации –

---

[13] Там же. С. 211–213.

в том, что называется гибельный восторг? Или же непреодолимые обстоятельства российской жизни доводят тех, кому 20, 25, до безрассудства и жертвенности, ставшей обязательством? До отстраненности, до холода, до вечной мерзлоты?

Не доводите детей до отчаяния! То, что они сотворят – смерти подобно.

Каторга. Рай

Пока же Мисси помиловали и отправили на Нерчинскую каторгу. Ну, не так всё страшно – в Мальцевскую каторжную тюрьму. Женскую. Несколько десятков политических, девушек. И – рай. Хотя и зимний, забайкальский рай, до минус сорока. Но почему рай? Прекрасные мальцевитянки – так они себя называли. Ей 24 года, впереди – 16 лет тюрьмы. Деревянной, с дырами, промерзлой, тусклейшей мальцевской тюрьмы. До сорока лет.

Но какой рай! Эсерки, большевички, девушки из Бунда, меньшевички и – нужно дать волю воображению – анархистки – коммунистки. Мисси – уже Маруся, источник радости для всех[14]. Ее 50 рублей каждый месяц из дома – до трети общей кассы. Коммуна. Купить чай, сахар, мыло, рис. Зубной порошок! «Однажды Маруся Беневская получила из Ита-

---

[14] Здесь и дальше – воспоминания «мальцевитянок» / Женщины-террористки в России. // Сост. О. Будницкий. Ростов-на-Дону: Издательство «Феникс», 1996. С. 427–596.

лии от своих родных прекрасный торт»[15]. Съели по «микроскопическому кусочку». Сытный, «лег камнем в желудок»». Сытный, счастье! Потом прислали рецепт. Сырой был торт, на изготовку. Смех и память – на сто лет.

Что у них общего? Припадки, недомогания – всё сразу, как у единого существа. Только тронь их. «Боря» и «Дядя» – большие самовары. «Боря» – прислана Борей, мужем Мисси. Нет, уже Маруси. «Дядя» – чьим-то дядей. «Бродяжки» – мелкие чайники. У них в карманах – уголь, чтобы зажечь, как самовар. Ели из одной посудины, по двое, мало посуды – не по дружбе, а по соли. Пары – соленые и несоленые.

Камеры запирались только на ночь. Кто-то учился почти с нуля. У каждой – несколько учительниц. За Мисси – естествознание, французский. И ей еще шлют книги из-за границы. Тома «Жана-Кристофа» Ромена Роллана. «Высшие» занимаются математикой и философией. Виндельбанд «История древней философии», Гефдинг «Введение в философию», 10 томов Куно Фишера «История новой философии», Мах «Анализ ощущений». Курсы политической экономии, массажа. В коридоре на скамеечках, по две-три. Библиотека в 700–800 книг. И очереди за Дюма. «Три мушкетера» – другая жизнь!

Родители, не бойтесь! «Из всех радостей в тюрьме – возможность углубленно мыслить и заниматься больше всех радовала и волновала… Сидишь вечером, кругом необычай-

---

[15] Там же. С. 508.

ная, какая-то отчетливая тишина, читаешь что-то сложное и трудное <…> и чувствуешь, физически ощущаешь острый процесс и радость мысли»[16].

А вот и счастье! «Мы могли шептаться всю ночь, решая вопросы монизма и дуализма»[17].

Что еще? Мыли, стирали, топили, кололи дрова, переплетали всеми истерзанные книги и, наконец, увлеклись сапожным делом. «В день стирки <…> полураздетые, тесно сгрудившиеся, окутанные клубами пара <…> необычайно оживленные, мы чувствовали себя героинями»[18].

И еще. «Ни разу <…> команды “встать”, никто, никогда не обращался к нам на “ты”, ни разу не были применены репрессии, карцера…»[19]. Цветочные клумбы во дворе – у кого лучше.

Закончилось это, конечно, «завинчиванием тюрьмы». А потом прекрасных мальцевитянок отправили этапом, пешком, закованных в кандалы, в Акатуй. Лучше не спрашивать, что это значит.

Что написать родителям. С каторги

28 апреля 1907 г. «Дорогой мой папочка, спасибо <…> за

[16] Там же. С. 518.

[17] Там же. С. 520.

[18] Там же. С. 523–524.

[19] Там же. С. 530–531.

письмо <…> за мои 100 руб. <…> Сегодня ровно месяц, как я <…> в Мальцевской тюрьме, мне здесь много лучше, чем в Бутырках… Мы все тут обжились, успокоились и втянулись в серьёзное чтение. <…>Условия в смысле помещения, питания и возможности пользоваться свежим воздухом <…> лучшего и желать не приходиться».

8 августа 1907 г. Дорогие мои папочка и Ванечка (*брат – Я.М*) <…> Если представится <…> возможность снять фотографию с маминой могилы, то сделайте это для меня, пожалуйста».

13 октября 1907 г. «Дорогой мой папочка <…> в ближайшем будущем должна ещё раз решиться моя судьба, т. е. поселение через год, полтора, или тюрьма на 15 лет».

22 марта 1909 г. «Дорогой мой Папочка… Теперь ты уже знаешь, что дело с моей волей не так уже безнадёжно <…> надеюсь, что <…> за это лето уйду из тюрьмы, а потому, Папочка <…> мне нужно дать тебе кое-какие поручения». Черные башмаки на пуговках, черные бумажные чулки, гребни, летние калоши, вату, марлю, чтобы перевязывать руку, мыло, холст на дорожный мешок. «Маленькую коробочку зубного порошка». И, книг, пожалуйста.

«Крепко тебя целую, будь здоров. Горячо любящая тебя дочка Маруся».

Мисси. Светлый человек

Таким ребенком можно гордиться. Гордиться отцу, матери больше нет. Рядом сидят «уголовные женщины». Ходатайств и прошений – множество. Помните, у Мисси остались 3,5 пальца? «Писала их большей частью Маруся Беневская. К ней, главным образом, обращались уголовные, и Маруся никогда не отказывала им в этом. Писала <…> ровным, размашистым и красивым почерком, несмотря на свою инвалидность»[20].

Не беспомощна. Много работает. Всё сама. «Очень привлекательная в общежитии, красивая, с лучистыми синими глазами, белокурыми кудрями, звонким жизнерадостным смехом, она привлекала многих своей личностью, и незаметно некоторые попадали под влияние ее мировоззрения… Что ценнее – пассивное созерцание жизни <…> или активное участие в ней и борьба, непротивление злу или путь революции …»[21].

Она думала. Они думали. Много мы сейчас найдем детей 20–24 лет, погруженных в общие идеи, руководящие жизнью?

---

[20] *Радзиловская Ф. Н., Орестова Л.П.* Мальцевская женская каторга 1907–1911 гг. / Женщины-террористки в России // Сост. О. Будницкий. Ростов-на-Дону: Издательство «Феникс», 1996. С. 527.

[21] Там же. С. 520.

Лев Толстой взял и написал ей (17 января 1908 г.): «Слушая первую часть письма[22], я тщетно удерживался от слез и просто расплакался от умиления и радости сознания полного духовного единства с человеком, казалось бы, совершенно чуждым и иного склада мысли. Вы так прекрасно выразили те истинные основы жизни, к[отор]ыми мы все живем, и это выражено было так искренно и так неожиданно, что я, слушая <…>, испытал самое радостное чувство… Искренно полюбивший Вас»[23].

А от нее был ответ – такой же заумный, сладостный: «Вы ошибаетесь, Лев Николаевич, в оценке моего отношения к науке, оно гораздо ближе к Вашему, чем могло, быть может, показаться…» (26 февраля 1908 г.).

Родители должны были бы гордиться ею. Красива, светла, жизнерадостна, выжила. И находится в переписке с Толстым.

Б. Н. Спаситель

У мальцевитянок был Боря, Борис Моисеенко, муж Мисси. Муж – настоящий или нет – никто не скажет. Ушел за нею в каторгу – спасать. Или не только святое? Она пишет в письме: «Венчались в тюрьме в августе 1906 г.».

---

[22] Письмо было послано брату, а тот взял – и показал Толстому.

[23] Письмо М. А. Беневской – Б. Н. Моисеенко. 17 января 1908 г. / Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Том 78. Письма 1908. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 23–27.

Венчались – в тюрьме.

А он – кто? Террорист у Савинкова. Номер два в покушении на великого князя Сергея Александровича (февраль 1905 г.). Выслеживал его в Москве. Но не понадобился[24]. Не пойман – не вор. И его выслали, по его желанию, к Мисси, на каторгу в ноябре 1906 г.

Началась их странная жизнь – не вместе. Свидания – по решению генерал-губернатора, при начальнике тюрьмы. Десятки поручений – от всех. Боря – привези, Боря – напиши. «Борис исполняет все наши поручения и покупки» (Мисси, 28 апреля 1907 г.). Хлопоты о ее инвалидности, врачах, ссылке вместо тюрьмы. Живет там же, на Нерчинской каторге, в Горном Зерентуе. И несколько месяцев – рядом с Мисси, у тюрьмы, по особому разрешению.

Страсть? Вот что пишет Савинков: молчалив, непроницаем, хладнокровен. Угрюм. Немногословен. Под угрюмостью могли не заметить его широкой и оригинальной натуры. Смел. Еретик в партии – ни в какие конференции не верит. Верит только в террор[25].

Но вот его письмо, 16 апреля 1908 г. – нежное, осторожное: «Дорогой папочка! (отцу Мисси!)… Маруся, сохраняя свой обычный цвет лица и свою обычную бодрость – стала несколько потоньше <…> Побаливает от холодного помеще-

---

[24] *Савинков Б. В.* Воспоминания террориста. Репринт с издания; Харьков: «Пролетарий», 1926 г. Vermont, Benson: Chalidze Publications, 1986. С. 79–100.

[25] Там же. С. 92.

ния рука, да выделяются до сих пор кусочки металла на лице и руках, но это безболезненно».

Папочки, папочки, дорогие мамочки! У него тоже был папочка – нотариус в Казани. А у папочки – два сына, оба – террористы.

13 октября 1907 г., Мисси: он «живёт здесь для меня, а со мной даже видеться не может».

На минутку остановимся. Что дальше? Что? Вместе – души, тела?

19 декабря 1907 г., Мисси: «Родители Б.Н.[26] прислали мне <…> косоворотки и к ним <…> юбки».

Родители – святые. Невестке, которая не родит.

27 июля 1913 г., Мисси: «С ним и со всеми его родными <…> отношения самые хорошие родственные… Но супружеских, конечно, не может быть, хотя бы уже по тому, что мы оба любим в другую сторону».

Б.Н. в 1909 г. скрылся за границу, вернулся, арестован в Иркутске в 1912 г., сослан в Якутию, снова бежал за границу в 1913 г., воевал в Сербии, снова в России в 1917 г., строил Учредительное собрание – и погиб в 1918 г.

21 мая 1919 г., Мисси: «Он был казначеем у учредиловцев. Вёз крупную сумму денег. На него напали колчаковцы и зверски убили, где-то около Омска».

У тех странных сил, которых называют общественными, или божьими – нет ни благодарности, ни пощады. Нет спра-

---

[26] Борис Николаевич Моисеенко.

ведливости. Истории о том, как обрели друг друга – не будет.

Победоносец

Она родила двух сыновей от матроса с броненосца «Георгий Победоносец» Ивана Степанюка. Большой. Огромный. Пришлите «огромные кучерские перчатки», «огромные валенки». Размер обуви за 45–46 по нынешним меркам. «Победоносец» восстал вместе с «Потемкиным». В 1905 г. приговорен к смертной казни. Заменена каторгой в Нерчинске. С 1909 г. он в ссылке в Баргузине. Там они и встретились.

11 января 1911 г., Мисси: «…О твоем, Папочка, отношении к моему новому семейному положению. Я была глубоко тронута тем, что Папочка один из всех <…> не упрекнул меня ничем и не причинил лишней боли, а главное поддержал <…> в убеждении, что всё, что делаешь, нужно делать искренне и без всякой фальши, в чём у меня, к сожалению, много грехов в прошлом… А, если мне будет дана радость иметь ребёнка, то, хочу всем сердцем, чтобы он вступил в жизнь с Твоего благословения».

27 июля 1913 г., Мисси. «Ни за что на свете не согласилась бы стеснить его свободу», «к семейной жизни никакой склонности». Выручает Мисси деньгами. Ходит по тайге в экспедиции с инженерами.

Время длится. 1913 г. – отца больше нет. Мисси с Иваном кружат по Сибири – Курган, Омск, Чита, Томск. Чернора-

бочий, очень нужны деньги. Наконец, революция, амнистия, Москва. Письмо 12 ноября 1918 г., из Орла: «Нет давно ни одного яйца». 17 декабря 1921 г., под Одессой. «Живем <…> в малюсенькой хатке… Иван Кондратьевич много работает, делает ванны, вёдра, болванки, шьёт меховые шапки всех фасонов, за что получает то хлебец, то кусочек сала <…>, то картофель и проч. Я стираю, шью (и крою уже сама). Из рванья переделываю…». Крестьянская семья.

Снова время. 1930-е. Ленинград, на Украине – голод. Политкаторжане в почете. Она на пенсии, в блузках с белым воротничком. Уже не Мисси, осенняя, рядом – книги, библиотекарь. Великих деяний не случилось.

18 февраля 1942 г., Мисси: «Что готовит судьба? Если не долго осталось жить, призываю на головки Маши и Тани всяческое благополучие. Не знаю, не сделаю ли чего плохого, за что мучила бы совесть… Увлечению “Разумом” очень сочувствую. Вот его мне в жизни не хватило, и из-за этого не сумела сберечь близких. Стёпа очень слаб. Будьте живы. Тётя Маруся».

7 декабря 1943 г., домоуправление. «Сообщаю Вам, что Мария Аркадьевна умерла весной 1942 года. Стёпа также умер (*младший сын – Я.М.*). От Ильи (*старший сын – Я.М.*) были письма в 1942 году, он находится где-то в Иркутске. Из стариков здесь почти что никого не осталось».

На конверте стихи:

Покуда живы мы, балтийцы,
И гнев у нас кипит в сердцах,
Мы не дадим врагу пробиться,
Мы не отступим ни на шаг.

Клянёмся мы, что выход в море
Мы защитим стальной стеной,
Чтоб пели ветры на просторе
О славе Балтики родной!

Дальше – только бумаги. Конверты, фотографии, записки. Стареющие книги, как отпечатки людей.

Мисюсь, где ты? С твоей жизнью, с ее изгибами, со всеми ее странными дикостями и великими идеями? С тем, как ты весело смеялась? Где ты?

Можно испуганно смотреть, как исчезают дни. Нет ответа.

Торжествовать. Ахматова

См.: Новый Сатирикон, 1916, № 2. С. 2. Рис. В. Лебедева

«Меня не печатали 25 лет. (С 25 до 40 и с 46 по 56)»[27].

[27] *Ахматова А. А.* Pro domo mea. // Анна Ахматова. Малое собрание сочине-

Хотя в начале 1946 г. ее хотели все. Готовился к изданию толстый том ее стихов (потом тираж сожжен, еще две книги пошли под нож). Для нее триумфально открылись все журналы.

Вот что она писала: «В этом самом 46 г., по-видимому, должно было состояться мое полное усыновление. Мои выступления… просто вымогали. Мне уже показывали планы издания моих сборников на разных языках, мне даже выдали (почти бесплатно) посылку с носильными вещами и кусками материй, чтобы я была чем-то прикрытой»[28].

Это закончилось бесповоротно. С шумом. Был август 1946 г., и орган пылающий, то бишь Оргбюро ЦК ВКП(б), издал рескрипт, что ее стихи наносят вред. Они не могут быть терпимы[29].

Как там сказано? «Ахматова является типичной представительницей чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии».

Типичной. Чуждой. Пустой. И безыдейной.

И еще, почти изысканно: «дух пессимизма и упадочничества», «вкусы старой салонной поэзии, застывшей на позициях буржуазно-аристократического эстетства и декадентства, “искусства для искусства”».

ний. С.-Петербург: Азбука. С. 412.

[28] Там же. С. 411.

[29] Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) от 14.08.1946 № 274, п. 1 г. «О журналах «Звезда» и «Ленинград».

Жданов приехал в Ленинград громить ее: «Не то монахиня, не то блудница, а вернее блудница и монахиня, у которой блуд смешан с молитвой»[30].

Сказал низость: «До убожества ограничен диапазон ее поэзии, – поэзии взбесившейся барыньки, мечущейся между будуаром и моленной. Основное у нее – это любовно-эротические мотивы, переплетенные с мотивами грусти, тоски, смерти, мистики, обреченности»[31].

И теоретически обобщил: «Анна Ахматова является одним из представителей <…> безыдейного реакционного литературного болота»[32].

Есть у пропагандистов общая черта. Когда-нибудь они будут прокляты. Прошлые, нынешние и будущие.

«…Такой мой быт, состоящий, главным образом, из голода и холода, был еще украшен тем обстоятельством, что сына, уже побывавшего в вечной мерзлоте Норильска и имеющего медаль «За взятие Берлина», начали гнать из аспирантуры <…>, причем было ясно, что беда во мне… А Сталин, по слухам, время от времени спрашивал: «А что делает монахиня?»[33].

Зачем он это сделал?

---

[30] *Жданов А. А.* Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград». Госполитиздат, 1952. С. 10.

[31] Там же. С. 9.

[32] Там же. С. 9

[33] *Ахматова А. А.* Pro domo mea. / Анна Ахматова. Малое собрание сочинений. С.-Петербург: Азбука. С. 414.

Всему виной был ее триумф.

Вот что сказал свидетель – Константин Симонов: «Выбор прицела для удара по Ахматовой и Зощенко был связан не столько с ними самими, сколько с тем головокружительным, отчасти демонстративным триумфом, в обстановке которого протекали выступления Ахматовой в Москве, вечера, в которых она участвовала, встречи с нею, и с тем подчеркнуто авторитетным положением, которое занял Зощенко после возвращения в Ленинград»[34].

Быть в назидание:

«Во всем этом присутствовала некая демонстративность, некая фронда, что ли, основанная <…> на уверенности в молчаливо предполагавшихся расширении возможного и сужении запретного после войны. Видимо, Сталин <…> почувствовал в воздухе нечто, потребовавшее, по его мнению, немедленного закручивания гаек и пресечения несостоятельных надежд на будущее»[35].

– Что делать? Терпеть, – сказала как-то она, совсем, как говорят в российских деревнях.

И мы будем терпеть, проходя по ее строчкам, следуя за ней туда, где она остается одна. Одна – без погонщиков и их собак. А там – отчеркивать то, что нам нужно, чтобы тоже

---

[34] *Симонов К. М.* Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине. М.: Книга, 1990. С. 93.

[35] *Симонов К. М.* Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине. М.: Книга, 1990. С. 93.

терпеть – суету, бездорожье, а иногда – молчание:

«Когда лежит луна ломтем чарджуйской дыни,
На краешке окна и духота кругом,
Когда закрыта дверь и заколдован дом
Воздушной веткой голубых глициний,
И в чашке глиняной холодная вода,
И полотенца снег, и свечка восковая, —
Грохочет тишина, моих не слыша слов, —
Тогда из черноты рембрандтовских углов
Склубится что-то вдруг и спрячется туда же,
Но я не встрепенусь, не испугаюсь даже…
Здесь одиночество меня поймало в сети.
Хозяйкин черный кот глядит, как глаз столетий,
И в зеркале двойник не хочет мне помочь.
Я буду сладко спать. Спокойной ночи, ночь».

Написано в 1944 году. Ташкент. Ей 55 лет. До нового молчания – еще 2 года.

Владеть. Леонид Дубровский

Он был неистребим. Косил из пулемета в гражданскую в Крыму – и добыл орден Красного Знамени. Взял в Царицыне купеческую дочь, а за ней – приданое. «Москва белокаменная. У меня особняк-квартира в семь комнат, пара выездных лошадей, кучер, у жены горничная, кухарка». От тестя – капиталы, а он – красный командир, орденоносец. Орденонос-

цев – мало, они – в цене.

С неба пролился нэп. Уволился, «стал во главе компании всех московских ресторанов и кабаре». Десяток тысяч штата. Тысяча артистов и музыкантов. Ну, так он говорил. «Богатели мы тогда компанией баснословно. Мой орден продолжал играть магическую роль». «Представьте мою московскую контору: чудесное двухэтажное здание с колоннами, во всех комнатах полно клерков различного пола. Мой кабинет на втором этаже за массивной дубовой дверью, обитой для звуконепроницаемости звукопоглотителями. Внутри его на стенах огромнейший портрет Ленина и его ближайших соратников. А за таким же массивным столом, как двери, покорный ваш слуга всё с тем же орденом Красного знамени на груди. Являвшиеся к нам представители финансовых органов сразу становились маленькими и податливыми».

И чтобы по-честному. «Доходы к нам валили от нэпманов. Мы стригли их. Наши рестораны были слишком дороги для рабочих людей». «Тайные комнаты свиданий, кабаре с полуголыми девицами, казино…». «У каждого нашего компаньона появились роскошные квартиры, стильная мебель, костюмы заказывались у лучших заграничных портных, собственные выезды, на целое лето отправлялись к черноморскому побережью. А там новые встречи, свидания, любовь. Казалось, что всему этому не будет конца».

Но – не судьба. Налоги, буйная рука пролетарских органов, брат нэпман изнемогает, клиент всё тоньше. «Магиче-

ское влияние моего ордена постепенно уменьшалось». И он самоликвидировался.

«И на правах орденоносца получил квартиру в государственном доме на Большой Полянке». Шуба и шапка енотовые, а под ними «всё тот же орден Красного Знамени».

«Но что-то нужно было предпринимать». Вызнал, что парикмахерские – еще не трогали. В Ленинграде основал салон в 50 мастеров. На Садовой улице починил разбитое торговое здание. Сам научился стричь. Своих натурщиков стриг бесплатно, налив стакан коньяка, чтобы не пугались. Выучился, стал стричь под Скрябина, под Ворошилова, под Калинина, Есенина и Маяковского, а также под летчиков-героев. Образцы – в альбоме. Номер 1 – Есенин, номер 3 – Ворошилов. «Усы несколько кверху, острая клинышком борода» – это Скрябин. «Были <…> желавшие ходить под Сталина. Но я боялся браться за такой портрет». А в 30-е сдался – налоги! – и «втихаря смотался в родной Крым».

«Там я был своим человеком. Вскоре евпаторийское общество красных партизан приняло меня в свою организацию». Бесплатный трамвай, без очереди – хлеб. В доме политпросвещения – «мой портрет красного партизана». Всё было хорошо, а потянуло – в Москву.

Так основал он парикмахерское дело на Ленинградском вокзале. Книжка красного партизана – в нагрудном кармане, чтобы была видна. «Не менял я только своей внешности. Зимой ходил я важно всё в том же еноте, в руках с громад-

нейшего размера английской работы кожаным портфелем с монограммой». Но – копеечные доходы!

Наконец, прознал, что «можно зарабатывать бешеные деньги» на заграничных пластинках. Из-под полы.

Пластинки ему доставляли дипломатической почтой. Дальше классика – комиссионный. «Избрав жертву, если она заслуживала доверия, я с высоты своей енотовой шубы, блестя десятком золотых зубов, извиняясь перед ней, заявлял, что я являюсь любителем иностранной пластинки, что кое-что принес сдать на комиссию». Ну и сделка – деньги – ресторан.

«Земля вертится. Жизнь течет. А наша человеческая, как она коротка! поэтому я несмотря ни на что, по старой привычке каждое лето отправлялся к черноморскому побережью. Как я уже говорил, выдавал теперь я себя там отдыхающим за директора какого-нибудь энского завода. Разодетый с иголочки, всё с тем же перманентно орденом, да еще и молодой, я производил на курортниц известное впечатление».

Немного завидно. «Она восхищалась моим наблюдательным умом и технической осведомленностью… Короче: очки я ей втер».

На Большой Полянке жил рядом с оружейником Федором Васильевичем, из донских казаков, «известным конструктором русского автоматического оружия». Похоже, речь идет о Токареве.

Федор Васильевич «махнул рукой и пророчески произнес:

“Начнется война, а она не за горами, и немецкие армии сразу захватят пол-России. Для этого всё подготовлено. Всё же военное искусство – это наука. Нельзя же с поповским образованием учить этому тонкому искусству других, как это делается сейчас у нас. Война – не детей крестить”».

Поэтому, когда началась война, сразу же «смотался на восток». «Было совершенно очевидным, что ждет страну, если во главе войск ее стал не военный, а человек с поповским образованием. Я и по своему опыту знал, что <…> война – это не детей крестить. Прав был Федор Васильевич, истинный русский патриот». Взял с собой чемоданчик с фотоматериалами, чтобы спекульнуть. И сразу же попался в Казахстане. «8 лет лишения свободы и еще 3 года по рогам» (*«по рогам» – ссылки. – Я.М.*).

О ком это? Кто это попался, как он говорил, «за понюшку табака»?

Леонид Федорович Дубровский.

Все попытки найти его следы – никакой возможности. Как будто этот человек не существовал. Не он ходил в енотовой шубе, не он щеголял орденом Красного Знамени и книжкой красного партизана. Не он втирал очки «черноглазенькой журналистке». И не он основал в Москве великий ресторанный трест.

Единственный его след – рассказ Александра Константиновича Соколенко, тоже лагерника, в его книге «Хранить вечно». «Хранить…» – это он о своем деле, политическом,

ни за что, 1944 года. И о нем тоже известно немного. Да и сама книга издана на каких-то птичьих правах, самоходом[36].

Они – Соколенко и Дубровский – встретились «там». Леонид Федорович «почему-то очень боялся затеряться в нашем мире, как песчинка, даже боялся умереть, не оставив в этой жизни никакой памяти о том, что тогда-то, там-то жил такой Дубровский Леонид Федорович, пусть со всеми недостатками, хотя он в жизни и не хотел быть таким. Но что сделаешь? Такова жизнь: она и формирует человека, она и калечит».

И еще вот что было записано в рассказе, который называется «Орден Красного Знамени».

«Поздним вечером, когда мы укладывались на ночлег, он под стрекот кузнечиков рассказывал мне о своей прошедшей жизни и просил запомнить рассказанное, чтобы потом, как он почему-то надеялся на меня, я мог записать рассказанное и донести о нем будущим поколениям. Где сейчас Леонид Федорович? Жив ли он? Ничего о нем не знаю. Но просьбу его, спустя четверть века, я выполняю».

Это писано в 1970 году. И мы тоже выполним эту просьбу, чтобы запомнить его. Эту неистребимость, этот зуд, эту страсть, эту неугомонность, этот енотовый колпак и енотовую шубу над красным знаменем. Этот зуд – наворотить! Неистребимое, богоданное чувство человека вывернуться, но натворить – пусть с вывороченной шеей!

Неистребимый пыл желания, нас толкающий, вечно вели-

---

[36] *Соколенко А. К.* Хранить вечно. Воспоминания. Ridero, 2019.

кий, навечно данный, как бы в нас ни упирались кулаком!

Не забудем и Александра Соколенко. Он – Имя. В его письме стоит раствориться. А куда попасть? В леса и горы 1946 года, когда никому неизвестно, будет ли возможность выжить.

Перевозбудить. Зощенко

Тот самый Зощенко – офицер Первой мировой, пять орденов, командир роты. Был отравлен газами. 1917–1920 годы. Скитания. В книге «Перед восходом солнца» он писал:

«В кресле против меня французский полковник. Чуть усмехаясь, он говорит:

– Завтра, в двенадцать часов дня, вы можете получить паспорт. Через десять дней вы будете в Париже… Вы должны благодарить мадемуазель Р. Это она оказала вам протекцию.

…Я говорю:

– Я не собираюсь никуда уезжать, полковник. Это недоразумение.

Пожав плечами, он говорит:

– Мой друг, вы отдаете себе отчет, что происходит в вашей стране?.. Прежде всего это небезопасно для жизни – пролетарская революция…

– Хорошо, я подумаю, – говорю я. Хотя мне нечего думать. У меня нет сомнений. Я не могу и не хочу уехать из России. Я ничего не ищу в Париже».

Он не уехал. Он не мог уехать из России.

В 1941 году пытался уйти на фронт. Со своим пороком сердца, полученным от отравления газами.

«Перед восходом солнца» он стал печатать по кускам в 1943 году.

Эта книга была лично ненавистна Сталину. В 1946 году – постановление Оргбюро ЦК ВКП (б) от 14 августа 1946 года № 274.

Цитата:

«В журнале “Звезда” <…> появилось много безыдейных, идеологически вредных произведений. Грубой ошибкой “Звезды” является предоставление литературной трибуны писателю Зощенко, произведения которого чужды советской литературе. Редакции “Звезды” известно, что Зощенко давно специализировался на писании пустых, бессодержательных и пошлых вещей, на проповеди гнилой безыдейности, пошлости и аполитичности, рассчитанных на то, чтобы дезориентировать нашу молодежь и отравить ее сознание. Последний из опубликованных рассказов Зощенко “Приключения обезьяны” (“Звезда”, № 5–6 за 1946 г.) представляет пошлый пасквиль на советский быт и на советских людей. Зощенко изображает советские порядки и советских людей в уродливо карикатурной форме, клеветнически представляя советских людей примитивными, малокультурными, глупыми, с обывательскими вкусами и нравами. Злостно хулиганское изображение Зощенко нашей дей-

ствительности сопровождается антисоветскими выпадами. Предоставление страниц “Звезды” таким пошлякам и подонкам литературы, как Зощенко, тем более недопустимо, что редакции “Звезда” хорошо известна физиономия Зощенко и недостойное поведение его во время войны, когда Зощенко, ничем не помогая советскому народу в его борьбе против немецких захватчиков, написал такую омерзительную вещь как “Перед восходом солнца”…».

Что еще? Он выжил, не был арестован. Ждал ареста. Писать и печататься не мог. Голодал. Сапожничал, как в 1918 году.

И скоро ушел.

Никому не известно, как сложилась бы его жизнь в Париже, и случился бы на свете писатель Зощенко или нет, и была бы – или нет – у нас счастливая возможность прочитать вот это: «…огромные потрясения выпали на мою жизнь. <… > Но ведь я-то не видел в этом катастрофы! Ведь я же сам стремился увидеть в этом солнце!»

Какая бессмысленная драма в том, что человек, выбравший Россию, возлюбленный государством (он получил-таки «трудового красного знамени»), всю жизнь любивший, смеявшийся, страдавший от депрессий, человек, не имевший вины ни перед кем, был пойман в ловушку, создавшую вокруг него нечеловеческую пустоту!

Какая бессмысленная насмешка в том, что человек, написавший книгу о самоконтроле – «Перед восходом солнца»,

о том, как управлять самим собой, чтобы никому не причинить вреда, был полностью лишен контроля над самим собой, попав под государственное колесо!

Эта книга была полностью напечатана в 1987 году. Через тридцать лет после того, как он махнул на всё рукой – и ушел.

В конце драмы должны быть назидания.

Они есть: этим историям нет конца.

Ими покрыто время.

В них нет никакого смысла, они – ни за что.

Они заливают нас.

Так и написал Зощенко.

«И вдруг необычайная картина – вода выступает изо всех люков и стремительно заливает мостовую. Снова по воде я иду домой… Ужасное зрелище».

Это его время выступило из всех люков и пор, чтобы залить людей, их самонадеянность, их неспособность всё увидеть до конца, их способность обманываться, их любовь к тому, что нельзя любить, их гордые решения, когда все развилки пройдены именно так, чтобы принести в будущем страдание.

Быть угрозой. Великие князья

Ты можешь угрожать государству тем, что ты есть. Самим фактом своего существования. Сила слова, сила памяти, сила рождения, сила влияния.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.